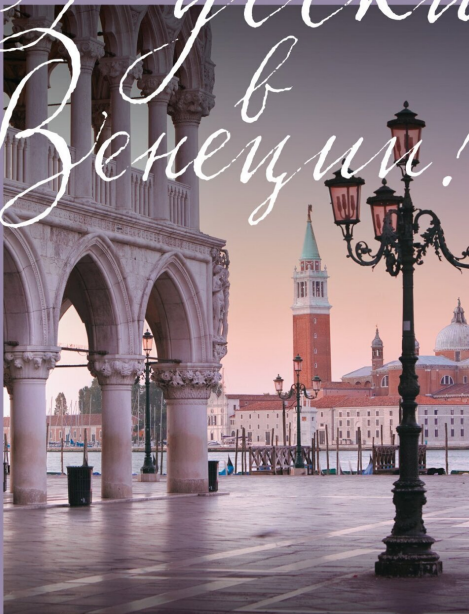

ЕКАТЕРИНА КОЛОСОВА
@KATYA_TESORO

*Под редакцией Михаила Талалая,
историка, литератора, исследователя
русского зарубежья*

Русские в Венеции!

ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ, ПЕТР ЧАЙКОВСКИЙ,
ИОСИФ БРОДСКИЙ, СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ,
ИГОРЬ СТРАВИНСКИЙ И МНОГИЕ ДРУГИЕ

Истории про разные события и людей,
которых объединила жемчужина Адриатики

БОМБОРА

Екатерина Викторовна Колосова
Русские в Венеции! Истории
про разные события и
людей, которых объединила
жемчужина Адриатики
Серия «Великие города. История,
традиции, легенды и люди,
которые их сформировали»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69792601

*Русские в Венеции! Истории про разные события и людей, которых
объединила жемчужина Адриатики:
ISBN 978-5-04-193078-3*

Аннотация

Во второй книге «Русские в Венеции» Екатерина раскрывает яркую историю отношений русского народа и царицы Адриатики. На протяжении веков судьбы совершенно разных людей соединяются в полотне каналов. Венеция не оставляет никого равнодушным, оголяя желания творить, любить и жить. Из книги вы узнаете, чем Венеция привлекла таких людей, как Антон Чехов, Михаил Врубель, Игорь Стравинский, Петр Чайковский,

Иосиф Бродский, и какие истории связаны с ними в городе на воде. Это признание в любви городу, так удивительно вплетенному в нашу историю.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	6
Вступление	8
1	12
2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Екатерина
Викторовна Колосова
Русские в Венеции!
Истории про разные
события и людей,
которых объединила
жемчужина Адриатики**

© Екатерина Колосова, текст, 2023

© Михаил Талалай, научная редактура, 2023

© Людмила Айкашева @mila_pro_photo, фото, 2023

© Зинаида Зиновьева, иллюстрации, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Впрочем, трудно воспевать Венецию. Она сама
песня. И как ни пой ее, она все-таки тебя перепоеет.
Петр Вяземский*

Благодарности

Выражаю благодарность своим друзьям и знакомым, поддержавшим и помогавшим в создании этой книги. Большое спасибо Марине Опочинской, Анне Петровой, Марине Г. за советы и желание помочь.

Российской государственной библиотеке искусств в Москве и лично Ирине Титуновой за рекомендации и предоставленные мне для работы материалы.

Венецианцам: арт-директору кафе «Флориан» Стефано Стипитивичу – за поддержку идеи, Клаудио Верниер – президенту Associazione Piazza San Marco – за помощь в организации.

Зинаиде Зиновьевой – моей многолетней подруге – за прекрасные иллюстрации, Людмиле Айкашевой – за великолепные фото, что украшают эту книгу.

Спасибо персоналу и управляющим отелей Londra Palace, Pensione Accademia, Venice Venice и Danieli за информацию, представителям православной греческой церкви Сан-Джорджо-дей-Гречи – за открытость и радушие.

Отдельная благодарность писателю, исследователю, историку-итальянисту, литератору, кандидату исторических наук Михаилу Талалаю за взаимное сотрудничество и редактуру, а также представителю Института российской истории РАН в Италии и Ватикане, доктору церковной истории,

доктору философии, кандидату исторических наук Алексею Ястребову за консультации.

Вступление

Когда я писала свою первую книгу «Bella Венеция!» об искусстве, культуре и жителях города на воде, меня постоянно сопровождали русские истории. То случайно всплывали какие-то факты, то мельком проносилась статья на соответствующую тему, то некое произведение, созданное творцом родом из Российской империи. Но я же в тот момент писала о Венеции и венецианцах! И хотя явный русский след оказался и там, дополнять ее большим количеством фактов о соотечественниках я не торопилась – думала посвятить этому отдельный труд.

Как только было принято соответствующее решение, русская тема посыпалась на меня как из рога изобилия – из изученных материалов, воспоминаний, от знакомых, из, как иногда казалось, самого магического воздуха Серениссимы – Светлейшей Республики Святого Марка ¹.

Возникла идея раскрыть эту тему через места, с которыми была связана жизнь наших соплеменников на берегах лагуны – отели, театры, выставки, дворцы, кладбище. Большинство мест хорошо знакомо любителям Венеции: это базилика и площадь Сан-Марко, театр «Ла Фениче», Биеннале, пляжи Лидо, островной погост Сан-Микеле, а также исторические отели, частные дворцы, греческая церковь и даже армяно-католический монастырь Сан-Ладзаро-дельи-Армени. Каждое

¹ С конца VII века по 1797 год существовала Республика Святого Марка, или Светлейшая Республика Венеция, со столицей в Венеции. Ее название производилось как Серениссима. (Здесь и далее – прим. ред.)

место я посетила лично, изучая его, задавая вопросы работникам, максимально погружаясь в историю и культуру.

Моя задача была не просто дать некую сводку, но живо, понятно и интересно сплести известных архитектурных гигантов с великими именами из России, дать почувствовать атмосферу, что царит в венецианских владениях, передать беззвучные голоса уже ушедших личностей, что оставили свой след в этом прекрасном городе.

И если в «Bella Венеция!» я пела оду живым, то в «Русских в Венеции» пришел черед отдать дань уважения умершим. К тому же некоторые из них, как, например, Александр Волков-Муромцев, будто специально просились на страницы книги, неожиданно подсовывая факты о себе, которых я раньше не знала. Или «Спящая красавица» – София Каиленская, – которая решила завершить свою земную жизнь в роскошном номере гостиницы с незабываемым видом на лагуну.

Петр Великий, Павел Первый, Сильвестр Щедрин, Петр Чайковский, Иван Айвазовский, Антон Чехов, Федор Достоевский, Мстислав Ростропович, Игорь Стравинский, Сергей Дягилев, Иосиф Бродский, Петр Вайль, Сергей Бодров-младший и многие другие, пока, возможно, малоизвестные вам личности, стали героями этого произведения, которое я хочу посвятить всем представителям русской культуры, искренне любящим Венецию. Как это ни удивительно, но этим чувством мы продолжаем великую историю,

что уже многие века связывает Россию, укрывающуюся царственным двуглавым орлом, и Венецию, продолжающую сиять благодаря грозному льву святого евангелиста Марка.

1

Площадь Сан-Марко и русские истории

*Когда роковой час прозвучит для Венеции, собор
Св. Марка умрет последний; с ним погрузятся в
бездну трофеи ее минувшего величия, выпренье
творения ее художников, и от гордого усилия воли
человеческой... останется лишь несколько свай,
которые корыстолюбие отыщет на дне морском.*

С. Уваров

Откуда бы вы ни вышли – через дугообразные седые арки у музея Коррер или часовую башню на Мерчерии, – впечатление неизменно окажется ошеломительным. Город, живущий более тысячи лет, в один момент выведет на площадь Сан-Марко главные свои фигуры, будто делая решающий ход в шахматной партии, знаменующий победу. Его тяжелая артиллерия – взмывшая ввысь, словно египетский обелиск, колокольня; обступающие выгибы Прокураций ²; бело-розовый, смотрящий то на площадь, то в лагуну Дворец дождей; две колонны с небесными покровителями на вершине, проход между которыми привлекает несчастье; и главное действующее лицо – Сан-Марко, от которого невозможно отвести взгляд. Старинный собор с восточными куполами, мощными порталами, где каждый камень имеет свою историю, готическими острыми элементами, тянущимися к солнцу, что отражается в золотых вековых мозаиках... Все это заставит даже бывалого путешественника замереть на месте от восторга.

В 829 году, когда тело святого привезли в город на воде, судьбоносным образом изменился вектор самой истории.

² Старые и Новые Прокурации – здания, служившие жильем и местом работы для прокураторов собора Святого Марка.

Марк с крылатым львом мгновенно затмил предыдущих заступников венецианцев, по-королевски уверенно воцарился на фасадах дворцов, колоннах, воротах, гербах, общественных зданиях и в сердцах местных жителей.

Он стал символом Венеции, устойчивой ассоциацией, наравне с Петром и Римом претендующим на не меньшее почитание, чем прославленный Вечный город³. Однако в отличие от хранимой Петром обители пап, предводимая евангелистом Марком республика получила репутацию своенравной, непокорной и временами слишком свободной от господствовавших норм морали.

Почитание Марка началось с воздвигнутой скромной часовни и разрослось до великолепного собора, считающегося одним из величайших итальянских чудес света.

Имя святого обрела и кирпичная колокольня, внешний вид которой считался эталоном красоты, идеальных пропорций и гармонии. Она архитектурно повторялась в различных городах, подвластных республике Серениссима и не только.

³ Имеется в виду Рим.

Копия знаменитой кампанилы ⁴ неожиданно встречается под Тулой в селе Богучарово – там сооружение появилось в конце XIX века. Одним своим присутствием оно является доказательством интереса подданных империи двуглавого орла к загадочной заморской Венеции.

Те, кому удавалось попасть в объятия Царицы Адриатики, первым делом отмечали великолепие ее собора и площади в честь любимого святого – евангелиста Марка. Петр Толстой, стольник Петра I и его дальний родственник, восхищался роскошным ансамблем в их числе. Он отметил в своих заметках колонны, что украшают прилегающую Пьяццетту, собор, Дворец дожей. По его уверениям, площадь использовалась как место казни, торговли (мясом, овощами, фруктами, посудой и даже париками), для официальных мероприятий. Здесь читались указы, произносились проповеди и неизменно толпились желающие совершить прогулку.

Толстой подметил одну местную особенность: у Дворца дожей часто устраивали променады утром – так как здание закрывает собою солнце и предоставляет тень. Ее прохладу аристократы предпочитали жаркому солнцу, чтобы пройтись, обсудить последние новости и продемонстрировать свое великолепие. Вечером же локация менялась – в приоритете становились здания Прокураций – теперь они давали спасительную прохладу, столь желанную для великосветского моциона.

⁴ Кампанила – колокольня на итальянском языке.

Не менее ценно свидетельство Толстого о Дворце дождей. По уверениям Петра, его при желании мог посетить любой – здание было открыто, за исключением ряда помещений, например покоев дожа, по понятным причинам не предназначенных для чужих любопытствующих взглядов. Упоминание об этом могло зажечь огонь в глазах Петра Чайковского – композитор приходил в восторг от Палаццо Дукале ⁵ и с подростковым любопытством изучил каждый его уголок, деталь, фрагмент. Некую память о Венеции он привез с собой в Россию прямым из дворца правителей – символа власти, могущества, богатства республики, находившей опору в мрачных тюрьмах по другую сторону моста Вздохов.

На площади же Сан-Марко Петр Ильич кормил голубей, что садились ему на руки и плечи, иной раз затевая шумную драку за пропитание. Композитору очень нравился этот милый ритуал, проводимый им во время ежедневных прогулок по piazza San Marco, на которой всегда что-то происходило.

Например, тут за столиком кафе «Флориан» любил сидеть Сергей Дягилев, учтиво и по-барски приветствуя проходящих знакомых бархатным «buongiorno». Его воспитанник Серж Лифарь вспоминал, что, только попадая в Венецию, основатель «Русских сезонов» становился похож на дожа-венецианца, примеряя на себя знатный благородный образ, как любимый костюм.

Затем великого импресарио сменил Иосиф Бродский, вы-

⁵ Он же Дворец дождей.

бирая для принятия напитков кафе «Лавена», что совсем рядом с переливающимися на закате мозаиками собора. Про базилику Бродский говорил в документальном фильме, снятом в 1990-е годы, «Прогулки с Бродским»: «...Сан-Марко – чрезвычайно византийское сооружение, на которое наклепана готика и все что угодно. Это все вполне оправданно, потому что торговые и политические отношения Венеции с Византией на протяжении трех веков были чрезвычайно интенсивными».

Съемки сохранили разговор Иосифа Александровича с другом Евгением Рейном под портиками трехсотлетнего «Флориана» в компании с горячительными граппой и коньяком, где речь зашла об истории заведения. Бродский проронил: «Вообще, Флориан был хозяин этого кафе. Поэтому можно говорить "у Флориана" без всяких кавычек... Ну, это начало восемнадцатого века... самое старое кафе и, может быть, единственное сохранившееся. Декор совершенно феноменальный. Это надо посмотреть, между прочим... В этом кафе на протяжении последних двухсот с лишним лет сидели все: Мюссе, Жорж Санд, Шопен... я не знаю кто. Стендаль, и все как полагается. И кончается тем, что сидим в этом "Флориане" мы. И это, конечно, полный упадок, потому что мы тут сидим. Через сто лет, если все это выдержит, а я думаю, что все еще выстоит, будут говорить, что вот во "Флориане" сидели Рейн с Бродским».

Помимо них, гостями исторического кафе в разное вре-

мя числились Казанова, Гёте, Шелли, лорд Байрон, Пруст, Бальзак, Александр Дюма, Эрнест Хемингуэй, Штраус, Катрин Денёв, Франсуа Миттеран, Игорь Стравинский, Мстислав Ростропович... Они заказывали напитки, любовались интерьерами и смотрели через большие окна на главную площадь, столь любимую венецианцами, – Сан-Марко.

По ней много гулял Федор Михайлович Достоевский, давно мечтавший о Венеции и грезивший блистательным детищем Адриатического моря. Серениссима вызванными восторгами заставила и его самого, и его супругу потерять чувство времени и даже забыть любимый швейцарский веер Анны Григорьевны в храме, посвященном Марку евангелисту.

Сраженная красотой, пара не сходила с площади Сан-Марко все дни, что провела в лагуне. Увлекали строгие Прокурации, многочисленные кафе, Часовая башня с золотыми звездами на ультрамариновом синем под надзором неизменного крылатого льва, застывшая квадрига ⁶ константинопольских лошадей, триумфально выставленная напоказ на фасаде базилики, громада Дворца дожей, где Федор Михайлович отметил невероятную красоту потолка, созданного в эпоху Возрождения лучшими творцами республики. Особенно запала в душу Достоевскому тонушая в роскоши базилика Сан-Марко – ее волнующий полумрак, узорчатый ковер под ногами, смотрящие в вечность византийские лики

⁶ Квадрига – античная двухколесная колесница с четырьмя запряженными лошадьми.

и всполохи золота на округлых поверхностях стен. Писатель часами рассматривал арабско-готическую архитектуру, любовно удочеренную Венецией у Востока и Запада, разноцветные драгоценные камни, безмолвные статуи и украшающие стены гладкие блестящие сюжеты.

Также в соборе любил бывать Петр Вяземский – поэт, публицист, венецианские стихи которого весьма ценил Иосиф Бродский. Он скрывался в золотом мраке каменной прохлады от плавящей воздух летней жары, совмещая это с любованиями несметными богатствами, накопленными за века. Увиденное в ставшем любимым городе отразилось в стихотворении «Венеция» (1853 год), где мелькает и главный архитектурный ансамбль:

...Дай им волю – и в Сан-Марко
Впишут, не жалея стен,
Святотатственно и марко
Длинный ряд своих имен.

Если ж при ночном светиле
Окуется серебром
Базилика, Кампаниле
И дворец, почивший сном,
И крылатый лев заблещет,
И спросонья, при луне,
Он крылами затрепещет,
Мчась в воздушной тишине,

И весь этот край лагунный,
Весь волшебный этот мир
Облечется ночью лунной
В злато, жемчуг и сапфир;
Пред картиной этой чудной
Цепенеют глаз и ум —
И, тревоги многолюдной
Позабыв поток и шум,

Ты душой уединишься!..

Мозаики Сан-Марко вызвали любопытство не только у Достоевского, но являлись источником вдохновения и для живописца Михаила Врубеля, что решил снять копии с них и с их венецианских сестер на острове Торчелло во время своего пребывания в Серениссиме в 1884 году.

Исторические изображения оказали огромное влияние на создаваемые им образы для иконостаса Кирилловской церкви в Киеве.

И хотя первоначально планировалось приступить к созда-

нию именно там, художник предпочел для большей концентрации и плодотворности работы отправиться на зиму в Венецию к великолепному христианскому наследию Византии. Где, будучи так близко к духовности и красоте, невозможно отвлечься от создания шедевров.

Врубель подошел к делу основательно: много сидел над образами на тяжелых оцинкованных досках в снятых комнатах палаццо на Сан-Маурицио, с росписями на стенах и лепниной под потолком. Для вдохновения он периодически выходил в музеи и церкви, осматривал творения венецианской живописи, плавал на острова, исследовал каналы, а по вечерам устремлялся на прогулки в сторону площади Сан-Марко.

Не остался равнодушным к мозаикам базилики и живописец с большим именем – Василий Суриков, автор знаменитой «Боярыни Морозовой» и «Утра стрелецкой казни». Особенно ему понравились изображения сакрального сюжета сотворения мира с Адамом и Евой, находящиеся на потолке коридора. При всей важности момента священной истории Василий отмечает некоторую простодушность, наивность и доступность изложения, понятную каждому. Одновременно искренне восхищается цветом и признается, что никогда ранее не встречал той психологической истины, которая столкнулась с ним лицом к лицу в старинном храме на венецианской земле.

Впрочем, исполин в честь святого Марка кажется ему

родным, напоминая общим впечатлением Успенский собор Московского Кремля, которому Суриков безоговорочно отдает предпочтение. Однако добавляет: «Я всегда себя необыкновенно хорошо чувствую, когда бываю у нас в соборах и на мощеных площадях их: там как-то празднично на душе; так и здесь в Венеции. Поневоле как-то тянет туда»⁷.

Незабываемые эмоции вызвал собор и у Виктора Васнецова, прозвавшего его «дивным византийским стариком». К нему, по-восточному золотому, царственно спокойному, подетски сказочному, пустившему корни в Венеции с XI века, и к Дворцу дожей с ажурной колоннадой и могучими окнами художник радостно бежал на свидания дважды в день, пока гостил в Венеции. Особенным чувством он проникся к главному покровителю города – евангелисту Марку, имя которого бесконечным эхом до сих пор звучит по всей Венеции. По окончании путешествия покидать седых старожилов площади, что сплелись воедино с историей, львами и вековыми камнями, оказалось мучительно. Васнецов прощался с ними, словно с живыми и ставшими уже дорогими людьми преклонного возраста, испытывая жалость и тоску от предстоящей скорой разлуки.

Впрочем, Сан-Марко – и площадь, и собор, зачастую наоборот, – становились местом встреч. Именно в городской базилике под покровительством евангелиста Антон Павлович Чехов случайно столкнулся с Дмитрием Мережковским

⁷ Письмо П. Чистякову от 29 мая 1884 года.

и Зинаидой Гиппиус, все трое были в неопишемом восторге от города и чувствовали опьянение красотой и счастьем в разлитом между каналов воздухе. Врач-писатель считал Венецию культурным раем на земле и любил ее более других городов Италии за радость жизни, блеск, вечера и сводящее с ума очарование. При этом Антон Павлович изливал свои эмоции на бумагу, внешне оставаясь сдержанным, спокойным и даже холодным. Внутри же неизменно бушевал пожар, пламя которого разгоралось сильнее по мере приближения к такой любимой Серениссиме.

Чудо встречи произошло и с уже упомянутым Врубелем – на площади Сан-Марко он увидел потерявшегося ранее спутника по путешествию – художника Самуила Гайдука, что уехал в Венецию один из Вены и гулял по площади, लेकर надежду встретить задержавшегося в столице Австрии Михаила Александровича. Его чаяния, к взаимной радости, оправдались.

Конечно, прекрасное место, столь дорогое сердцу русских, не мешало запечатлеть в легкой акварели или написать маслом.

Блестяще это осуществил Валентин Серов. Увиденная им в 1887 году Венеция очаровала, покорила его сердце и изменила живописную манеру, усилив данный Богом талант. Он любовался ее прекрасным мягким утром с россыпью нежных оттенков, наслаждался насыщенными цветами дня, широкими мазками нанесенными на фасады палаццо, бока гондол

и гладь каналов, увлекался мечтательными вечерами с бриллиантовыми искрами от света луны и звезд.

В письме своей невесте Ольге Трубниковой он заявил о своем решении относительно творчества: «У меня совершенный дурман в голове, но я уверен, что все, что делалось воображением и рукой художника, – все, все делалось почти в пьяном настроении, оттого они и хороши, эти мастера XVI века Ренессанса. Легко им жилось, беззаботно. Я хочу таким быть – беззаботным; в нынешнем веке пишут все тяжелое, ничего отрадного. Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное».

Через некоторое время после возвращения из Италии он создал глашатая импрессионизма, свой знаменитый шедевр, «Девочку с персиками» – портрет юной дочери Веры промышленника Саввы Мамонтова, мецената, владельца Московско-Ярославской железной дороги, – в подмосковной усадьбе, хорошо известной всей художественной среде, – Абрамцево.

На венецианскую же тему он написал две картины: одну с набережной Рива-дельи-Скьявони со сдержанным переливчатым колоритом, вторую – жемчужную, с видом на пустынную площадь Сан-Марко со стайкой голубей в углу и нижней частью вертикальной красавицы – одноименной колокольни. Без слов, только лишь благодаря мастерству кисти, ощущается нависающая в воздухе влажность, разная плотность фактур, холод камня и объединяющая художника и Венецию ти-

шина.

Тишина, которая сопровождала даже трагический момент истории: обрушение эталона красоты – великолепной кампанилы Сан-Марко – случилось июльским утром 1902 года. На нее поднимались многие русские путешественники, в том числе Вяземский, Философов и Дягилев. Потеря такого ориентира в мире лагуны и мирового искусства обернулась большой трагедией для безнадежно влюбленных в Серенисиму великих личностей.

Например, литератор и философ Василий Розанов, узнав об обрушении, взволнованно писал: «С падением башни навсегда испортилось единственное по красоте, значительности воспоминаний место на земном шаре – площадь Св. Марка. Боль не в ее исчезновении, а в том, что площадь эта вдруг потеряла тысячелетний свой вид. Необходимость в ее восстановлении – абсолютна. Для европейской цивилизации потерять площадь Св. Марка – то же, что Афинам потерять Пропилеи или статую Афины Промехос на Акрополе».

Не меньшую досаду и грусть испытал поэт Валерий Брюсов. Падение колокольни совпало с годом его посещения Венеции, сразу вызвавшей в нем чувство абсолютной радости и желание находиться в городе на воде как можно дольше. Июльская трагедия всколыхнула бурю: «Узнав о падении колокольни, мы опять поехали туда, провели там сутки, почти плакали на развалинах. Без *campanile piazza* потеряла свое единство: задний план был декорацией, фасадом S. Marco;

теперь впечатление дробится, ибо виден Дворец дождей. С моря Венеция принизилась, словно изувечена».

Брюсову, бывшему в Серениссиме в начале XX века, иногда казалось, будто жизнь лагуны впечатана в вечность и ежедневно повторяется в привычных ритуалах, начиная с нежного рассвета до пылающего огненного заката. Так, в сущности, оно и есть. Однако в его воспоминаниях фигурирует профессия, претерпевшая незначительные изменения: «Черные тела гондол по-прежнему легки и изящны. Гондольеры по-прежнему стройны и ловки, и жесты их, вероятно, не изменились за полтысячелетия. По-прежнему у каждой из бесчисленных пристаней сидит дряхлый старик, который удерживает гондолу багром, пока с нее сходят приехавшие. Бывало, богатые сеньоры бросали таким старикам золото, теперь им приходится нагло выпрашивать у иностранцев медную монету».

Подобных пожилых работников больше не встретить, их век тихо ушел в небытие и не подлежит возврату, при этом профессия продолжает жить. В Венеции она называется ганцер (gancio – крючок по-итальянски), занимаются ей молодые ребята, поступающие на службу к владельцам гондол и работающие за чаевые.

А вот роскошная площадь в честь евангелиста, по которой ступали все наши герои, сохранила в воспоминаниях Брюсова свое очарование с 1902 года практически в неизменном виде: «На площади Сан-Марко играет военная музыка. Ни-

где в мире нет лучшего помещения для концерта. Это, собственно, две площади, большая и малая, piazza и piazzetta, одна почти в сто сажен длины, другая в пятьдесят. Большая со всех сторон загорожена мраморными строениями, меньшая открыта к морю, где у пристани стоит лев св. Марка и качаются гондолы. На светлом ночном небе вырисовываются контуры базилики и Дворца дождей, под звуки Моцарта, Пуччини и Верди, в свете газа и электричества, движется среди этих вековых, почернелых дворцов современная толпа, разряженные кавалеры и дамы, словно перенесенные сюда с венской Ringstrasse или парижских бульваров. В роскошном кафе по сторонам нет свободного столика. А железные черные люди на колокольне, поставленные там механиком XV века, аккуратно выстукивают молотом часы».

Вся эта красота, с усилием сжатая на самой незабываемой площади мира, вызывала преклонение и восхищение у сестры Марины Цветаевой – писательницы Анастасии, дочери Ивана Цветаева – основателя Музея изящных искусств в Москве (позже он стал ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. – *Прим. авт.*), оказавшейся в Венеции в 1912 году.

Будучи беременной от своего возлюбленного Бориса, но несчастной в отношениях без понятного общего будущего, в поезде до Милана, где планировалась пересадка на Венецию, она встретила мужчину по имени Луиджи Леви. Несколько часов в пути оказалось достаточно для рождения у итальян-

ца глубокого чувства любви и стремительного желания совместной жизни с девушкой из России. Анастасия пообещала ему встречу через три дня в Венеции, а в ее ожидании, уже приехав в лагуну, рассеянно цеплялась взглядом за церкви, острова, металлические детали гондол, мосты, памятники, львов...

Ноги сами вынесли на Пьяццетту: «Бездна света, тепла. Колонны. На одной – св. Марк, на другой – его лев (в действительности на одной из колонн изображен святой Феодор. – *Прим. авт.*). Камень плит. Вхожу на площадь Св. Марка. Она – четырехугольная, как Кремлевская площадь в Москве. Площадь Св. Марка мне представляется – меньше. Ее длинные и задняя стороны (если помню верно) – заняты чем-то вроде арок, за ними, как в Феодосии, – лавочки? Там, где у нас Василий Блаженный, – стоит собор Св. Марка. Над входом – скульптура коней, три, четыре. Посредине площади – множество голубей. О соборе я помню – синеву, зеленую, от мозаик – сумрак и торжественное ощущение истории. Эти своды! Тишина... Слезы, которые душишь...

Спешу дальше. Дворец дожей? И другие. О них помню только отражение в воде и другие – кружевные – отражения. И комнатки пыток под крышей – или я их видела во сне? – где нагревом свинцовых стен мучили узников.

Но главное, что я помню в Венеции, – это переход дня в вечер: сгущающуюся – в синеву сумерек – голубизну дня, первое трепетанье фонарей, светлых, как сон, и их водяную

ть. Темнота небесного свода над дворцами и крышами, над темнеющими гондолами и сверкающей бездной вод. Никакой детский театр не повторит театральных эффектов лазури, превращающейся в синюю мглу. Город сон, город призрака»⁸.

Она обманула Луиджи – поселилась не в оговоренной с ним на вагонных ступеньках поезда гостинице, когда с надрывом звучали мольбы о встрече, а выбрала совсем другой адрес, чтобы избежать свидания. Этим она обрекает себя на мучения, подобные страданиям в раскаленных теплым солнцем свинцовых тюрьмах под крышей Дворца дожей.

Прекрасная Венеция и площадь Сан-Марко стали для Анастасии синонимом разлуки.

В мыслях ее кружилась возможность счастья с итальянцем, сердце влекло в его объятия, но, как ни молилась девушка, как ни искала ответа у Сан-Марко и в отражениях каналов, на решение быть с Луиджи не нашлось смелости даже около отважного крылатого льва непокорного евангелиста.

⁸ Цветаева А. И. Воспоминания. Т. 2. С. 49.

Анастасия уехала из Венеции раньше – чтобы наверняка избежать встречи с влюбленным Луиджи – и потом еще долго в мыслях просила у него прощения за предательство чистых чувств, случившееся в поезде до Милана и продолжившееся на залитых солнцем набережных Серениссимы.

Свидетелем утраченной любви оказался древний исполин Сан-Марко, продолжающий молчаливо хранить тайны под бездонным сапфировым небом Светлейшей, лишь изредка раскрывая в блеске мозаик на закате или в таинственных знаках на стенах, в узорах колонн или в уставших глазах статуй свои забытые секреты тем, кто с любопытством и надеждой останавливается у его дверей.

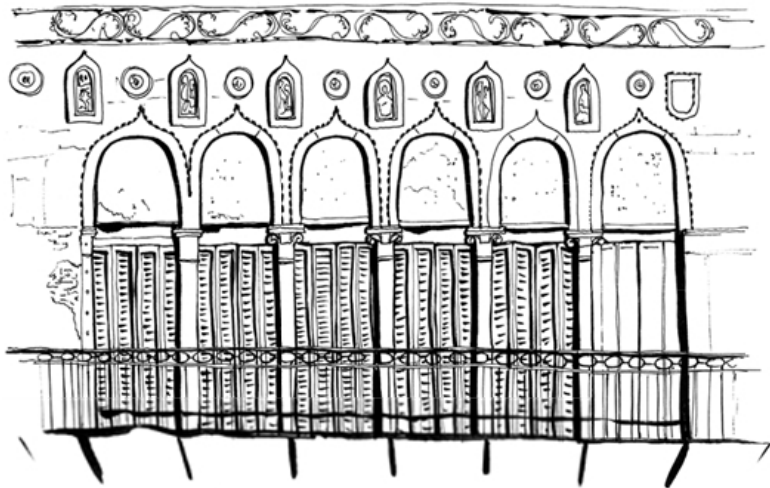

2

Ка' да Мосто, «Белый лев» и Павел Первый

*А издали, луной озарена,
Венеция, средь темных вод белея,
Вся в серебро и мрамор убрана,
Являлась мне как сказочная фея.*

Алексей Апухтин

Фрагмент палаццо Ка' да Мосто

Отсюда открывается самый обширный вид на Большой канал: за счет местоположения на его повороте угол обзора впечатляющий. Взгляд радуют выстроенные в ряд дворцы – один краше другого; выглядывающий светлый мост Риальто с россыпью магазинов; бесконечно снующие гондолы и водные трамвайчики вапоретто; окаймленный арками Рыбный рынок; Немецкое подворье, где когда-то создавали не сохранившиеся до наших дней росписи великие живописцы Тициан и Джорджоне; полосатые сваи для пришвартовывания лодок; блики на воде. Над всем этим слышны неизменные крики хозяек Венеции – откормленных белых чаек, что бессовестно крадут у зазевавшихся еду прямо с тарелки.

Когда-то этим видом любовались торговцы, аристократы, художники, правители, императоры и русский царевич – Павел Петрович, будущий помазанник Божий – Павел I.

Все эти люди гостили в Ка' да Мосто – палаццо на Большом канале, где некоторое время располагался отель с названием, достойным королей: «Леон Бьянко» (*ит.* белый лев). Но до того, как стать гостиницей, в распоряжении у здания имелось еще несколько столетий ожидания.

Первые упоминания встречаются в XIII веке и связаны с исторически важными для Светлейшей родами: Фальер, что владели территорией, и Бароцци, что приобрели у них ее часть. И старые, и новые владельцы происходят из 12 семей – основателей Венеции, что пользовались большим уважени-

ем и почетом в республике.

В XIII столетии, когда согласно документам имела место покупка, наметились определенные тенденции: строят палатцо в соответствии с новыми канонами общества, ориентируясь на торговое и коммерческое преимущество; помимо сельскохозяйственных нужд и рыболовства теперь думают о доходах с домов и использовании их в качестве резиденций.

Бароцци, окрыленные средневековым духом новизны, принялись за строительство. Однако пыл по неопределенным причинам охладел, и уже через несколько десятилетий владение выставляется на продажу, чтобы обрести новых хозяев. Они и дадут современное имя – Ка' да Мосто («Ка» – сокращенно каза («дом» по-итальянски). Именно их усилиями появился красивый, пропорциональный дворец, гармонию которого отметил века спустя знаток искусства и Серениссимы, автор книги «Камни Венеции» – Джон Рёскин.

Стоит сказать, что внешний облик здания формировался долгое время, соединяя в себе византийские, готические, венецианские черты.

Украсшался рельефами, вытянутыми окнами, наращивал этажи и престижные piano nobile – наиболее роскошные уровни с залами. Появились три упругие арки, выходящие к воде, острые готические завершения, капители и медальоны.

Имелась и редкая для Венеции особенность – сквозной полукруглый коридор-проход, ведущий от площадки сзади палаццо к воде. Он позволял иметь доступ к главной городской артерии – Большому каналу, – в том числе людям из соседних владений.

Конечно, нес он и определенную выгоду. Помещения снимали в аренду гондольеры, рабочие, торговцы, используя их в качестве склада. До сих пор над дверями портика сохранены старинные ориентиры и указания, сделанные рукой дельцов из прошлого. Коммерческий дух не покинул привычное место: даже сейчас тут царит творческая атмосфера, манят магазины, где представлены различные изделия ремесленников и дизайнеров.

Семья да Мосто, тоже имевшая отношение к торговле, зафиксирована в документах как «новые» патриции, известные своим богатством и верностью республике. Состояли они и в Большом Совете, участвуя в важнейшей административной процедуре, подчеркивающей статус, – выборе дожа. Заметное присутствие рода в жизни города прослеживается со Средневековья до Возрождения, а среди наиболее ярких фигур семьи следует выделить Альвизе – торговца, путешественника, исследовавшего далекие берега Африки и остро-

ва Кабо-Верде, и мореплавателя Бертоламио, занимавшегося также собиранием полезной информации в политических и экономических интересах Венеции. Род обрел влияние, а некоторые его представители отличались отвагой и умением принимать оригинальные для своего времени решения.

Знаменит Ка' да Мосто и одноименным трагетто ⁹ да Мосто, что курсировал от каменного дворца до моста Риальто, перевозя товары и людей, начиная с далекого XIII века.

Изначально, пока семья владельцев размеренно жила в просторном палаццо, лодка предназначалась для личного пользования, но затем благодаря коммерческим интересам проходимость портика и количество транспорта увеличились.

Торговцы отдавали предпочтение трагетто, так как это был быстрый способ сообщения между районом у Риальто, островами и кварталом Святых Апостолов. С годами он становился все популярнее, и в XIX веке упоминается как «проход к трагетто до Мурано». Хотя имя менялось не единожды:

⁹ Трагетто – лодка для транспортировки людей или грузов.

будучи также «лодкой Ка' да Мосто» и даже фигурируя как «трагетто “Белого льва”» – великосветского отеля, пристанища королей и вершителей судеб мира.

Названная в честь царя зверей, гостиница обозначается в исторических рекомендациях для путешественников как одна из лучших в городе, а в XVIII веке слава «Белого льва» достигает своего пика. Не случайно отель с прекрасным видом, что хвалили современники, избрал для пребывания в Серениссиме император Священной Римской империи Иосиф II, сын Франца I и Марии Терезии.

Любивший путешествовать инкогнито, правитель предпочитал свободу сковывающим и длительным протокольным церемониям. Останавливаясь в локанде ¹⁰ на Большом канале, он мог рассчитывать на автономность и неузнанность, ведь «Белый лев» помогал венценосным гостям избежать предписанных республикой правил, установленных для случаев посещения города членами королевских семей. Тайный приезд императора тем не менее согласовывался с Сенатом республики и не являлся секретом для администрации города.

Отелю суждено было стать не только пристанищем монарха, скрывавшим его персону, но и местом встречи четырех братьев. Император и один из них приехали одновременно. В ожидании остальных они гуляли по Венеции в масках, и, плутая в узких улицах, спрашивали дорогу у ничего не по-

¹⁰ Локанда – место, где можно перекусить и заночевать.

дозревающих прохожих. Затем к ним присоединились еще двое родственников.

Правитель, отличавшийся свободными нравами, не допустил великосветских ритуалов даже при встрече с членами семьи. Как описывают историки, он увидел из окна подплывающую лодку, спустился по лестнице, чтобы встретить брата, а когда тот по этикету хотел поцеловать руку, то представил для лобызания свое лицо.

По окончании венецианского путешествия Иосиф II щедро оплатил выставленный счет, оставив в «Белом льве» большую сумму в качестве благодарности, в отличие от гостившей в палаццо семь лет спустя четы князей Северных – под этим именем по Европе инкогнито путешествовал сын российской правительницы Екатерины Великой, царевич Павел Петрович с супругой.

Будущий самодержец покрыл лишь половину от запрошенной стоимости, остальное владельцам пришлось требовать от чиновников. Но то было в самом конце. Начиналось же все обнадеживающе: по приезде гостей ждала насыщенная программа из спектаклей, праздников, балов, приемов, карнавала и регаты.

Январь 1782-го, ознаменовавшийся визитом высокопоставленной четы в Венецию, выдался теплым. Практически весенняя погода для самого сурового сезона года воспринималась Павлом как чудо. Можно было забыть о тяжелых одеждах, привычных на Родине, и греться в случае необхо-

димости горячим шоколадом в знаменитом и старейшем из сохранившихся кафе Италии – «Флориан» на площади Сан-Марко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.